

## Незабываемое

Тот, кто вчерашние жертвы забудет,  
Может быть, завтрашней жертвой будет.  
Е. Евтушенко

Бывают периоды жизни, которые забыть нельзя. Даже десятилетия спустя они столь ярко запечатлены в памяти, будто это было вчера. Ты несешь в душе тяжелый груз, от которого освободиться невозможно. И рано или поздно начинаешь ощущать, что больше не в силах копить его в себе. Хочется, чтобы о том, что увидел и пережил ты, узнало как можно больше людей — современников и потомков.

Во время войны я был ребенком. Мне чудом удалось выжить. И я хочу рассказать о страшных событиях, свидетелем которых я был, о трагедии еврейского народа и о том, как маленький еврейский мальчик, потеряв мать, нашел в себе силы и мужество не только выжить самому, но и помочь спастись другу.

Я родился 9 апреля 1930 года в Одессе. Отец — Илья Ефимович Нильва, 1875 года рождения, был родом из хутора Ходоркова Житомирской области, мать — Нильва Ида Осиповна, 1892 года рождения, — из Сычавки Одесской области. В доме не очень строго придерживались еврейских традиций. Когда в младенчестве мне хотели сделать обрезание, мать воспротивилась. Я был третьим ребенком в семье. Старшей сестре Анне к тому времени было 12 лет, а другой сестре Тасе — 6. Отец очень обрадовался сыну: будет продолжатель рода.

Отец и мать работали портными. До революции отцу принадлежал первый этаж левого флигеля дома по Бебеля, 54. Там находились мастерская и наша квартира. После революции у отца все отобрали, оставив только одну комнату. Правда, эта комната была очень большой — около 60 квадратных метров. Посреди нее стоял большой дубовый стол, а справа от него — рояль фирмы "Беккер". Слева под стенкой стоял большой красивый буфет, а в конце комнаты — зеркальный шкаф и две никелированные кровати.

Помню себя примерно с пяти лет, когда "заблудился", и меня привели домой ребята. Я был очень шустрым ребенком, и во дворе всегда играл с детьми старше себя. Гордостью нашей семьи была старшая сестра Анна, которая училась на историческом факультете педагогического института.

В Одессе жили три сестры матери — Бетя, Роза и Витя и много других

ее родственников. Отец много работал в мастерской и дома, ибо семья была большая. Он серьезно болел. Приходя к отцу на работу, я часто застаивал его лежащим с мокрым полотенцем на голове. Мать в основном шила летом, когда мы выезжали во Владивку, Ермолинцы, Григорополь и другие села Одесской области. В качестве платы крестьяне давали топленое масло, мед, варенье, пастилу. За лето мать зарабатывала столько продуктов, что нам хватало на всю зиму. Отец был тихим, спокойным человеком, а вот мать любила пошуметь. Мать была умной и доброй женщиной. Она помогла многим сельским девушкам, устроив их домработницами. Были случаи, когда, встретив на улице плачущую девушку, мать приводила ее в дом, кормила, оставляла на ночлег, а на следующий день пристраивала к кому-либо. Хорошо помню, как из Владивки к нам приехала раскулаченная семья Урденко. Мать приютила их, а затем устроила на работу в дом отдыха № 5.

Наш дом по Бебеля, 54 был интернациональным. В нем жили русские, украинцы, евреи, болгары. В памяти сохранились фамилии многих жильцов: Себовы, Орлик, Сворены, Винокуровы, Казанские, Громиковы, Бойченко, Невдашенко, Манулисы, Книга, Эйдлеры, Верник, Бери, Гольдштейны, Гримберг, Цимерман, Примусник, Лившиц, Бендерские, Уманские. Однако каких-либо конфликтов из-за национальных различий не было. Многие жильцы занимали ответственные должности, но никогда не бравировали этим. Затронули наш дом репрессии. Наш сосед генерал Поляков был арестован, а его семью переселили на Молдаванку. Квартиру отдали семье моториста с теплохода "Комсомольск".

Детей во дворе было много. Костяк нашего коллектива включал Борьку Шильмана, Гришу Себова, Лялю Ронскую, Галу Громикову, Тамару Бойченко. Я был младше их, но очень задирист и часто дрался с детьми намного старше меня. Каждый имел кличку. К примеру, Гришу Себова называли Рича, меня — Фимка-колхозник. Мы дружили с ребятами из 56-го и 58-го домов: Толей Ходоровским, Аликотом Бирманом, Робкой Гольфарб и другими. Дворовое воспитание давало свои плоды — оно вырабатывало смелость, находчивость. Мы играли в казаки-разбойники, в жмурки, в пожара, в маялки, в швайку, ходили в походы — Ланжерон-Аркадия и обратно. Мастерили самокаты на подшипниках, собирали какие-то электросхемы. Воевали с другими улицами и дворами. Зимой катались на коньках, санках, лыжах. Я часто болел: дизентерией, малярией, два раза был ложный круп.

Учился я в школе № 71, которая находилась недалеко от нас, на улице Жуковского. Во время большой перемены часто бегал домой за куском хлеба с медом. В 1939 г. мне и Грише Себову купили бобриковые пальто, и все нам завидовали.

В начале 1940 г. тяжело заболел отец. Его поместили в больницу, где

он умер 15-го января. После смерти отца материальное положение семьи серьезно осложнилось. Анна к тому времени окончила вуз и работала на кафедре истории в мединституте. Она вышла замуж и жила отдельно. Учился я неважно, поэтому надо мной взяли шефство студенты Водного института. Я ходил на занятия в общежитие на Слободке, где они жили.

Мужа Анны, Кириллова, в начале 1941 г. перевели из Одесского артиллерийского училища в артучилище г. Чкалова. Она уехала вместе с ним.

Весной 1941 г. было тревожно. Германия захватила большинство стран Европы. Что такое фашизм, мы знали. Об этом немало писали, показывали кинофильмы. Особенно большое впечатление произвели фильмы "Болотные солдаты" и "Профессор Мамлок". К тому времени мне исполнилось 11 лет. Я окончил три класса, а сестра Тася — девять.

Хорошо помню 21 июня 1941 г. Вечером я вместе с другими детьми со двора пошел в парк Шевченко на соревнования по боксу, где выступал наш сосед Ленья Чудновский. Утром 22 июня мы собрались во дворе и стали обсуждать результаты соревнований. Вдруг мы увидели, что люди бегут к садику, где размещены большие репродукторы. Должны были передать важное правительственное сообщение. И в 12 часов выступил министр иностранных дел В.М. Молотов. Он сообщил, что фашистская Германия без объявления войны напала на нас. Выступление заканчивалось словами: "Враг будет разбит, победа будет за нами!".

Стоя у репродуктора я понял, что беззаботное детство окончилось, и ему на смену идет что-то неведомое, страшное. Каждый день мы слушали сводки, они были неутешительными. Многие одесситы стали подумывать об эвакуации. Уже в конце июля эвакуация из Одессы шла полным ходом. Из нашего дома уехали примерно 20 семей. Мать заставила Тасю эвакуироваться вместе с соседкой по дому Серебренничкой. Сама она не хотела уезжать: говорила, что видела немцев в 1918 году, и ничего страшного не происходило. Этому же мнения придерживались многие евреи.

Одессу начали бомбить ровно через месяц после начала войны. В городе то и дело возникали пожары, был разрушен ряд домов. Помню, как горел молзавод на Пушкинской угол Троицкой. Люди, сбросив кое-какие вещи, спускались со второго этажа на простынях. Началась эвакуация заводов и фабрик, а оставшиеся предприятия стали выпускать оружие и боеприпасы. В начале августа в городе стали возводить баррикады, организовывать истребительные батальоны и бригады по тушению пожаров. Враг контролировал пригородные деревни, поэтому на базарах почти ничего не было. Наш сосед Винокуров несколько раз брал меня на свиноферму, которой он руководил, и я приносил домой мясо.

В середине августа Агнесса Семеновна Рубцова пригласила нас к себе на дачу, которая находилась на 10-ой станции Большого Фонтана. Когда

же через пару дней мы вернулись, то увидели страшную картину. Оказалось, что тонная авиабомба разрушила три флигеля нашего дома и один флигель дома № 56. Под обломками нашего дома были погребены 15 человек. Погибли даже те, кто находился в бомбоубежище.

Хотя наш флигель уцелел, жить там было нельзя. Мы получили комнату в коммуналке на Бебеля, 49. Перенесли туда большинство вещей, а самые ценные — на Троицкую, 32, к Агнессе Семеновне. На Бебеля, 49 мы прожили примерно два месяца, а затем перебрались в квартиру хорошего знакомого дяди Левы на Мещанскую, 6/8. Это был типичный одесский двор с молдавским колоритом и замечательной дворничкой тетей Тасей. Дядя Лева жил с двумя дочерьми — Рахилью и Фасей.

Жизнь в доме проходила размеренно. Никто не предполагал, что вот-вот придет беда: оккупация, аресты, расстрелы. Мы знали, что бои с румынскими захватчиками под Одессой ведутся успешно, видели прибывающие войска. Но вдруг в середине октября на стенах домов появились листовки, сообщавшие, что по стратегическим соображениям Одессу временно оставляют. Город был в шоке. Люди перечитывали эти листовки по несколько раз.

14-15 октября 1941 года в Одессе было безвластие. Люди вскрывали магазины, склады и запасались продуктами. Со склада на Александровском проспекте я унес домой мешок сухарей. Затем снова пошел туда и взял десять банок консервов и несколько килограммов фиштакеш.

16 октября 1941 года — самый трагический день для одесситов и особенно для одесских евреев. Во второй половине дня передовые румынские части вступили в Одессу. Около Оперного театра колонну встречала группа одесситов с хлебом-солью. Состоялся митинг. Ораторы благодарили за освобождение от большевиков. Затем румынский офицер произнес речь о том, что новая власть даст всем свободу, а виновных в этой войне коммунистов и евреев ждет наказание. При этом толпа ему заплодировала. После этого митинга я пришел домой разбитый, так как отчетливо понял, что ничего хорошего от оккупантов ждать не стоит.

Уже на следующий день в помещениях районных отделений милиции были созданы полицейские участки. Туда стали поступать доносы, согласно которым производились аресты. В ночь на 18 октября был взорван дом по улице Энгельса, где разместился румынский штаб, при этом погибло много высокопоставленных офицеров. Начался террор. Сначала уничтожили всех арестованных, а затем стали хватать людей на улице. Весь Александровский сад был уставлен виселицами, а тех, кому не хватало места на виселице, убивали прямо под деревьями. Среди повешенных я увидел нашу соседку Анну, которую мать привезла из Врдаивки. Гриша Себов спасся лишь по счастливой случайности. Вера Громикова

увидела, что его арестовали, и быстро сообщила об этом отцу Гриши, который сумел добиться освобождения сына. Этот террор касался всех, но вскоре оккупанты начали специальные антиеврейские акции. В бывшие пороховые склады (недалеко от нынешней площади Толбухина) они согнали 25 тысяч евреев и заживо сожгли их. Вместе с евреями там были уничтожены пленные моряки. Но это было только началом.

23 октября последовал приказ фашистов, обязывающий всех евреев отправиться в Дальник для регистрации. Сбор был назначен у Прохоровского сквера (там сейчас памятник Дороге смерти). Собралось около 10 тысяч евреев. По дороге они были ограблены мародерами — одесситами. В Дальнике людей разместили по коровникам и свиарникам. На следующий день всех расстреляли у противотанкового рва.

25 октября появился новый приказ, обязывающий евреев собраться у Прохоровского сквера для отправки в Дальник. Нас стали выгонять из домов, заставляя идти на пункт сбора. Я, мама, дядя Лева, Рахиль и Фася также пришли в сквер. К полудню там собралась многотысячная толпа. Под крики фашистов "Гей, жидан!" нас погнали в Дальник. На углу Дальницкой и Степовой колонна попала в живой коридор мародеров, которые вырывали вещи из наших рук. Охрана закрывала на это глаза. Мне было дико наблюдать такую картину, ибо грабежом занимались одесситы. А в это время другие мародеры — местные и румыны — взламывали квартиры евреев и грабили их.

К вечеру колонна достигла Дальника. Конечно, никакой регистрации не было. Нас разместили в сараях, свиарниках, коровниках. Ночевали фактически на голой земле. Утром нас построили и объявили, что отправимся в Доманевку. Это село расположено на северо-востоке от Одессы, в 200 км. И вот многотысячная колонна двинулась в путь.

Многим старикам и детям не хватало сил, они отставали. Через некоторое время колонна сильно растянулась. Конвоиры сначала устраивали остановки для того, чтобы отстающие подтягивались, а потом фашистам это надоело, и они стали расстреливать тех, кто не мог идти быстрее. У большинства людей не было еды. Мы рвали на полях, мимо которых шли, свеклу, морковь, очищали от земли осколками стекла и ели. Многие просто падали на дороге, и их добивали охранники.

На станции Выгода устроили второй ночлег. Нас снова разместили на колхозном дворе в коровниках. Правда, приходили крестьяне, принося еду. Многие из них приносили съестное просто из жалости, другие меняли его на вещи.

Утром снова погнали в Доманевку. С каждым пройденным километром выстрелы звучали все чаще. Во второй половине дня я выбился из сил и сказал маме: "Нужно что-то делать, иначе мы погибнем здесь на дороге". Мать была не из робкого десятка. Она подошла к румынскому офи-

церу и сказала, что мы попали в этот этап случайно, так как ее второй муж — еврей, а я от первого мужа, который был русским. Офицер хорошо понимал русский язык. Он отвел меня в посадку, велел снять штаны, посмотрел, сделано ли обрезание. Убедившись, что "все в порядке", велел конвоирам отпустить нас. Вечером мы добрались до Выгоды, где попросились на ночлег. Нас хорошо покормили и уложили спать в теплой хате. Утром нас покормили завтраком, дали в дорогу хлеба, сыра, и мы двинулись в Одессу.

Перед нашим взором предстала ужасная картина: вся широкая дорога была усеяна трупами детей, стариков, женщин. Этот страшный путь невозможно забыть... Нас подобрала подвода. Позже в нее подсел румын, который пытался доказать, что люди, которых убили, — виновники войны. К вечеру мы добрались до Одессы.

Мы переночевали у знакомых на ул. Петропавловской, а утром отправились в квартиру на Бебеля, 49. Но соседи не впустили нас, не дали даже вещей. Мать обозвала их грабителями и прокричала: "Горите вы вместе с нашими вещами!". Мы отправились на Мещанскую, в квартиру дяди Левы. Дворничка тетя Тася дала ключи, и мы поселились там.

Ноябрь 1941 г. был очень тревожным. Периодически появлялись новые приказы об изгнании евреев из города. Но мы с матерью знали, что ждет тех, кто откликнется на подобные приказы. Мать ходила на Привоз, меняла вещи на еду, а также шила у некоторых знакомых на дому. Я часто ходил на Бебеля, 50, где меня подкармливали прежние соседи — Себовы, Бойченко, Громикова. Посещал также других знакомых — Полю Грабовскую, Аню Бобилу, Дусю и Нонну Андриусевич, тетю Мотю из Сычавки. Все они относились ко мне доброжелательно. Правда, некоторые знакомые, запуганные оккупантами, не хотели, чтобы я к ним приходил. А дворник с Бебеля, 50 хотел задержать меня и сдать в полицию, но я был предупрежден об этом и избегал встреч с ним.

Фашисты старались выманить евреев из города, чтобы уничтожить их за пределами Одессы. Им активно помогали предатели, писавшие доносы. Ежедневно происходили аресты. Румыны грабили еврейские квартиры, а "доброжелательные" соседи подбирали то, что не забрали оккупанты. В городе становилось все опаснее, жизни можно было лишиться в любую минуту. Мы понимали: единственный путь к спасению — отъезд в какую-нибудь деревню, где можно было переждать лихолетье. Но тогда это было невозможно.

В 20 числах ноября я вместе с Тамарой Бойченко шел на Бебеля, 50. Неожиданно из 49-го дома вышла бывшая соседка Клава. Она стала звать меня, предлагая забрать вещи. Я остановился, почувствовав какой-то подвох. Ведь совсем недавно она не хотела пустить нас в квартиру, утверж-

дая, что она ограблена и ничего из вещей не осталось... Вдруг из парадной 49-го дома выскочил румынский жандарм с криком: "Стэй еу ынтушкат!" (Стой, буду стрелять!). Я бросился бежать к дому № 55, ибо с малых лет знал, что он проходной и имеет выход на Преображенскую. Через несколько минут я был на углу Преображенской и Островидова и, спрятавшись, наблюдал, как жандарм с винтовкой наперевес в окружении десятка пацанов рыскал по маршруту Бебеля — Преображенская — Троицкая — Овчинниковский переулок. Так я избежал неминуемой гибели.

Позже я узнал следующее. 15 ноября кто-то поджег дом на Еврейской, 49. В подвале дома находилась целлюлозная мастерская, которая вспыхнула, как факел. Следом за пожарниками приехали жандармы. Наши соседи вспомнили слова матери: "Горите вы вместе с нашими вещами!" и сообщили жандармам, что поджог совершили мы. Где мы с матерью жили, они не знали, но видели, что я часто захожу напротив — на Бебеля, 50. Для моей поимки был выделен жандарм, который прятался в парадной дома № 49, а с ним периодически дежурила какая-нибудь соседка.

После войны я встретил Клаву. Она плакала и клялась, что ее заставили опознать меня и сдать жандармам как поджигателя-еврея. Я ее простил, пусть Бог ей будет судьей. Когда бываю возле 55-го дома по улице Еврейской, мысленно благодарю его за спасение.

Зима 1941 г. была суровой. Начались сильные морозы, а вместе с ними усилились гонения на евреев. Оккупанты разработали следующий план их депортации из Одессы. Пойманных людей отправляли на станцию Сортировочная, а оттуда в Березовку. Многие села Березовского района представляли собой мини-гетто, где евреи умирали от голода и холода.

В доме на Мещанской мы прожили до середины декабря, пока дворничка не предупредила нас, что нужно уходить. Мы перебрались на Троицкую, 32, заняв пустовавшую комнату в квартире, где жила Агнесса Семеновна. Но для того, чтобы там жить, нужно было временное удостоверение. Тогда Агнесса Семеновна договорилась с управдомом Карлом Новоковским, чтобы он помог достать нам такие удостоверения. Чтобы получить их в жандармерии, нужно было подать заявление с подписями трех свидетелей, которые подтверждали бы, что мать — украинка.

Мать передала все документы Новоковскому, и он обещал сделать все необходимое. Это было перед самым Новым 1942 годом. Мы с матерью обустроили комнату, в которой обитали: перенесли от Агнессы Семеновны две никелированные кровати, стулья, столик и другие предметы домашнего обихода. Возможно, именно это сказалось на нашей судьбе. Дело в том, что как раз в это время Карл Новоковский женился. Его большая свадебная фотография красовалась на витрине фотоателье на Преображенской. Новоковский был у нас, и ему понравилась квартира, обстанов-

ка. Тогда он, очевидно, решил, что в этой квартире ему будет хорошо жить с молодой женой.

Новоковский выдал нас с матерью. Сразу после Нового года нас пришли арестовывать. Я был в школе, а мать шила на дому у немца-колониста. Жандарм пришел за мной в школу, но мой одноклассник Вадик Кушнир прибежал в класс и крикнул: "Фима, убегай, за тобой пришли!". Я выпрыгнул из окна и побежал домой, на Троицкую, 32, но в подъезде дома был схвачен жандармом. Он отвел меня в полицию, а оттуда меня доставили в гетто. Оно располагалось на Слободке в общежитии мореходки. Уйти из гетто не составляло труда. Вместе с каким-то парнем мы перелезли через забор и пошли в город. Я отправился на Хуторскую, к тете Моте. Через несколько дней мать нашла меня там. Она рассказала, что ее предупредил Филимон Тарасович Ясько. Каждый день мы ночевали в другой квартире: у Дуси Андриусевич, Поли Грабовской, Ани Бобиловой, у тети Моти.

Мама понимала, что нужно уезжать из города, но для этого нужно было иметь, опять же, временное удостоверение. Помог случай. Немцы-колонисты порекомендовали ее румынке, работавшей секретарем в полиции. Мать договорилась, что в качестве платы за работу та сделает нам документы. Мама трудилась с утра до вечера, а я ходил по знакомым, приходя к ней лишь для того, чтобы поесть. Три дня я прожил в доме ТЮЗа на ул. Куйбышева. По рекомендации наших знакомых меня приютил дядя Миша, который вместе с семьей жил в этом доме. Вечерами его семья пекла кренделя и продавала их на базаре. Было хорошо, сытно, никто не задавал лишних вопросов. В зале ТЮЗа устраивали танцы, и одесские шлюхи танцевали и целовались с немцами и румынами. Я не мог понять психологию этих девиц: ведь их родственники воевали с фашистами на фронте.

Когда через несколько дней я встретился с мамой, она сияла от радости. Румынка сказала, чтобы мы сфотографировались для удостоверений. Через день документы были у нас в руках. Я предложил сразу уехать в деревню, но мать сказала, что нужно закончить шить у этой румынки. Мы сняли комнату на Разумовской. И вот мать сообщила, что еще день, и она оканчивает работу. Но наша радость была преждевременной. На следующий день я долго ждал маму. Вечером в дверь постучали. На пороге стоял холеный молодой полицай. Он вынул из кармана мамино удостоверение и спросил: "Это твоя мать?". Я подтвердил, и тогда полицай сказал: "Она арестована, я пришел за тобой". По дороге он рассказал, что мать проговорилась у румынки, и та заявила на нее. Но в полиции не знали, где я. В удостоверении был адрес разрушенного дома по ул. Тираспольской. Однако мать передала для меня записку женщине, которая сказала, что ее выпускают на свободу. Та оказалась предательницей. Таким образом я попал к маме в камеру. Мать очень ругала себя за то, что не уехала из Одессы в тот же день, когда получила удостоверения.

Утром нас привели в канцелярию полиции и объявили, что за невыполнение приказов оккупантов и сокрытие национальности будут судить. Жандарм повел маму и меня в военный трибунал, который находился на Канатной. Нас судили заочно: мы ждали своей участи в коридоре. Сопровождающий жандарм получил решение и повел нас в центральную тюрьму. Когда нас выводили со двора трибунала, меня кто-то окликнул. Я увидел, что из камеры махала Рахиль, старшая дочь дяди Левы. Я видел ее в последний раз.

Центральная тюрьма располагалась недалеко от трибунала, на Бебеля, 13. Напротив нее, на Бебеля, 12, была сигуранца. В тюрьме нас разлучили: меня поместили в мужскую камеру, а мать — в женскую. Наша камера находилась недалеко от ворот. Она была клинообразная, поэтому крайние окна были на уровне земли. Слева от нас находилась женская камера. В многоэтажном флигеле сидели партизаны и подпольщики, их заковывали в кандалы. Во дворе тюрьмы дежурили жандармы с пулеметами, у ворот также была охрана. В левом углу двора находилась канцелярия. Мне исполнилось 11 лет и 8 месяцев, и я был единственным ребенком в этой тюрьме.

Все арестованные твердили, что сидят за спекуляцию. Конечно, никто не говорил правды, так как боялись предателей. Механизм уничтожения евреев, партизан, подпольщиков был хорошо отлажен. Каждую ночь заключенных увозили на казнь. В одну из январских ночей увезли и мою мать, которой было 49 лет. Утром во дворе мне рассказала об этом ее сокамерница. Мать в последний раз передала мне кусок хлеба и пять марок. Я вернулся в камеру и горько заплакал. Я понял, что больше никогда не увижу самого дорогого мне человека...

На следующий день меня вызвали в тюремную канцелярию на "собеседование". Один из предателей, как будто жалея меня, спросил: "Что с тобой делать?". Я предложил отправить меня в гетто на Слободку. Эта идея понравилась им. Через день к тюрьме подъехала подвода с маленькими детьми. Меня вызвали, усадили на эту подводу и повезли в гетто. Везли нас по Бебеля. Я увидел Гришу Себова и сказал ему, куда меня везут. Перед воротами гетто толпилось много женщин. Увидев меня, они стали доказывать конвоирам, что я русский и попал сюда случайно, но румыны были неумолимы. Женщин оттеснили, а нас завезли в еврейское гетто.

Одесское гетто представляло собой своеобразный накопитель для евреев, которых фашисты вылавливали в городе. Службы оккупантов разместились в лучших строениях, остальные были отданы под жилье обслуживающего персонала, больницу, пищеблок, "жилые помещения" геттовцев. Несколько построек отвели для предэтапного размещения узников. На "постоянной" основе в гетто содержали врачей, медсестер, санитаров,

а также работников пищеблока и других вспомогательных служб. Остальных евреев периодически собирали в этапы и отправляли в Березовский район на казнь.

Питания, можно сказать, не было. Затирухи из кукурузной муки, которую готовил пищеблок, на всех не хватало. О том, как лечили в геттовской больнице, можно было только догадываться. Каждое утро с черного хода больницы вывозили по несколько подвод мертвецов. Впоследствии подсчитали, что в этом гетто от голода и болезней умерли примерно пять тысяч человек. Всего же в Одесской области фашисты истребили более 200 тысяч евреев.

Постепенно я знакомился с этим "уголком еврейской жизни Одессы". Нашел немало знакомых: тетю Розу, которая работала на "кухне", Рафика Голштейна, устроившегося истопником, Абрама Эждышмана и его жену, доктора Якова Турнера. Через некоторое время я в гетто встретил Клавдию Шкуревич, Розу Хасину, с которой до войны занимался в 71 школе, ее брата Аркадия, Володю Гольдмана и Толю Шпица. Они помогали мне, делились последним куском хлеба.

Немало одесситов приносили еду, теплые вещи и передавали их через забор. Раз в неделю ко мне приходили наши бывшие соседи: Аня Себова и ее сын Гриша. Многие геттовцы уходили в город к знакомым и там доставали еду. Я тоже периодически уходил на Хуторскую, к тете Моте. Обычно пересиживал там несколько дней, когда готовился очередной этап. Я узнавал об этом от тети Розы, поскольку пищеблок получал приказ сварить много мамалыги. Я также старался не попадаться на глаза старосте и его подручным.

В мае 1942 года я пришел к выводу, что пора покидать гетто. К тому времени в нем осталось мало людей. Я решил уйти с очередным этапом, а там убежать, используя удостоверение, которое сумел сберечь в полиции и тюрьме. Всех премудростей этапов я не знал, но помог случай. Мне показали мальчика, который ходил по двору, и рассказали, что он не раз ходил в этапы и снова возвращался в гетто. Мы познакомились. Его звали Изей Рыбаковым, и он был на год моложе меня. Изя был родом из Резины, где ходил в румынскую школу, поэтому хорошо знал румынский язык. Его родители погибли в Богдановке, а он оттуда сбежал. Возвращение в гетто Изя объяснял тем, что таким образом он на некоторое время продлевал себе жизнь. Он знал, когда можно убежать с этапа. Я предложил отправиться в этап вместе, а оттуда сбежать. О своем удостоверении я не рассказал, а вот о том, что не обрезан, сообщил. Мы наметили, что убежим в Березовке и будем держать курс на Балту, где, по слухам, евреев не убивали.

В тот же день нас усадили на подводы и отправили на станцию Сортировочную. Изя знал конвоиров и попросил, чтобы нас оставили на перроне. Всех остальных закрыли в теплушке, а мы с румынами отправились



к их знакомым на обед, где нас хорошо покормили. К вечеру наш состав тронулся в путь. Мы с Изей ехали на платформе с румынами. Поезд пришел в Березовку на рассвете. Конвоиры взяли нас с собой в помещение вокзала, а один из них угостил куском хлеба с салом.

Утром вагон открыли, и несчастных евреев выгрузили. В это время сменился караул. Это произошло так быстро, что мы не успели опомниться, поэтому отложили побег. Новый конвой подогнал подводы и предложил старикам, детям, больным сесть на них. Изя предупредил, что этого делать нельзя, потому что всех, кто сядет, вскоре расстреляют. После построения нашу небольшую колонну погнали в сторону Доманевки. В Березовке к нашему конвою присоединились местные полиция. Ночевали в селе Сиротское. Вечером мы с Изей съели хлеб и сало, которые дал румын. Больше у нас не было еды. Утром колонну погнали дальше. К обеду добрались до большого села Мостового. Нас разместили на окраине села, в большом парке. Мы с Изей несколько раз ходили к колодезю, принося воду людям, дававшим нам еду.

Колодец находился в конце парка. Рядом с ним проходила дорога. Я предложил Изе бежать немедленно, поскольку охрана разошлась по домам. Но Изя возражал, считая, что днем нас быстро поймают. Сидя после очередной ходки за водой в кустах парка, мы неожиданно увидели, как румыны и полиция считают патроны, вероятно, прикидывая, на скольких хватит. Я снова стал настаивать на побеге. Чтобы убедить Изю, показал свое удостоверение, выданное румынами. И он согласился.

Мы вышли по дороге в поле, затем зашли в ложбину, свернули вправо и стали удаляться от Мостового. По дороге придумали легенду, что мы — детдомовцы и идем в Балту к родственникам. Шли полями до вечера, пока не заметили огонь. Небольшой костер горел возле цыганского табора. Нас встретил цыган и стал расспрашивать, кто мы и куда идем. Я поведал нашу легенду и попросил хлеба. Подошли другие цыгане. Один из них стал кричать, что мы — жида, и из-за нас они сами могут пострадать. Мое уверенное объяснение утерло его пыл, и все начали расходиться. Цыган, у которого мы просили поесть, вынес кусок хлеба и сказал: "Уходите, ребята, подальше, потому что здесь много плохих людей".

Мы шли до тех пор, пока табор не скрылся из вида. Заночевали в стог соломы. Утром пошли в ту сторону, откуда доносилось петушиное пение. Через некоторое время подошли к деревне. Трубы дымились всюду, мы чувствовали вкусные запахи. Зашли в крайнюю хату, поздоровались и попросили поесть. Молодая семейная пара пригласила за стол, который изобиловал вкусной едой. Мы хорошо поели, рассказали свою легенду. Добрые люди дали нам продукты с собой и показали дорогу на Балту.

Ночевали мы обычно в селах. Заходили туда после захода солнца

и шли к старосте. Я показывал ему удостоверение и просился на ночлег. Староста расспрашивал, откуда идем и куда, а затем со своей запиской отправлял нас к зажиточным крестьянам. Там нас обычно кормили, укладывали спать, а утром давали хороший завтрак и еще кое-что на дорогу.

Изя убедил меня, что в села, где живут немцы-колонисты, заходить не следует. Правда, однажды мы едва не угодили в немецкую колонию, но, увидев фашистский флаг над хатой, вовремя остановились. Было тепло, и мы, наскоро перекусив, попили воды из лужи и задремали на лужайке. Разбудил нас окрик: "Кто такие? Документы!". Рядом стоял немец-колонист с фашистской повязкой на рукаве, еще несколько колонистов сидели на подводе. Удостоверение, похоже, вызвало доверие, немец только спросил, куда мы идем, и показал дорогу на Балту.

Уже перед Балтой зажиточный крестьянин предложил мне остаться у него. Я спросил, нельзя ли остаться вместе с другом.

В ответ услышал: "Так він же жид, його залишити не можу". Тогда я отказался от заманчивого предложения, и мы двинулись на Балту.

Балтское гетто занимало две улицы. Здесь было еврейское самоуправление со своим старостой. Зашли в калитку, и нас сразу остановил еврейский полицейский. Узнав, что мы из Одессы, полицейский предложил немедленно уйти, поскольку, мол, чужих здесь не принимают. И даже угрожал в случае непослушания сдать в жандармерию. Ничего не оставалось, как покинуть "гостеприимную" Балту.

Возвращались по уже известному маршруту. Мы знали о приказе оккупантов, что бездомных детей необходимо оставлять в колхозах. В селе Селивановка мы пошли в правление колхоза и попросили, чтобы нас оставили на работы. Но получили отказ: дескать, у них все крестьяне бедные. При этом сказали, что недалеко находится богатое молдавское село Гандрабуры, и посоветовали отправиться туда.

Придя в Гандрабуры, мы обратились к старосте. Он взял мое удостоверение, расспросил нас и разрешил остаться в селе. Однако нас направили в разные колхозы: меня в "Партизан", Изю — в колхоз имени Ворошилова. Мы расстались. Что ждало нас впереди, мы не ведали, но вера в то, что все же выживем, не покидала нас никогда.

Село Гандрабуры возникло в 30-х годах XVIII столетия. В нем жили молдаване, которые убегали от своих бессарабских бояр и занимали пустующие земли. Название села произошло от имени одного из зажиточных молдаван, которого звали Говдра, затем это название видоизменилось и стало Гандра, а так как село большое, то позднее его переименовали в Гандрабуры. До Великой Отечественной войны в этом селе насчитывалось 12 колхозов. Во время войны жители Гандрабур жили неплохо, поскольку румыны предоставили молдаванам большие льготы.

Какой-то парень привел меня в колхоз "Партизан" и передал бригадирю. Тот поселил меня в конторе колхоза. Я был грязным и заросшим, на мне были вещи из гетто. По колхозному телеграфу вся окрестность узнала, что в правлении живет мальчик-сирота. Многие приходили посмотреть на меня, и только. Пришел и румын, который курировал наш колхоз — Мош Тодори. Он был добрым человеком, и ему было меня жаль. Мош Тодори отвел меня к парикмахеру, а затем попросил соседей, чтобы согрели воды, и я после стрижки помылся. Он также попросил других соседей, у которых была свадьба, пригласить меня туда. И вот я сижу за большим столом на молдавской свадьбе, пью, ем незнакомые блюда. Люди обращаются ко мне, я что-то понимаю, а что-то — нет. Я был очень рад, что понравился этому румыну и попал на свадьбу.

На следующий день смотрины продолжались, и молодая бездетная пара взяла меня пасти коров. Но они были бедными, поэтому спустя 10 дней я снова оказался в правлении колхоза. Через некоторое время ко мне зашел энергичный человек и после короткого разговора предложил пойти жить в его семью. Это был Тимофей Яковлевич Унтилов. Его дом был рядом с моим "жилем", а семья в то время состояла из пяти человек: он, жена Екатерина и трое детей. Старшей дочери Нине было пять лет, другой дочери Вале — три года, а сыну Сене — полтора года. Тимофей Яковлевич был очень толковым человеком и добрым. Он не стеснялся, что в Гандрабурах был единственным, в чьем доме разговаривали по-русски. Поэтому он получил прозвище Тимофте Руссу. И вот у меня началась новая жизнь в чужой семье, с чужими правилами, к которым приходилось привыкать. Меня переодели в штаны и рубашку из негрубой мешковины. Эту одежду в Гандрабурах делали из конопли. Ходил босиком, так как обувь развалилась.

Первое крещение я получил на подворье Ивана Возиана, когда был сильно укушен собакой. Рана была глубокой, и примерно неделю пришлось лечить ногу у бабки Пелагеи. Рана, правда, быстро затянулась, и вскоре я снова был в строю. Второе крещение произошло в поле, когда я пас корову и бычка. Там я невольно сталкивался со сверстниками, которые пасли своих коров. И вот однажды ребята, а их было трое, и с ними две девочки, начали мне что-то втолковывать. Когда я понял, что они хотят, то очень рассердился. Они, вероятно, по наставлению своих родителей, хотели выяснить, обрезан ли я. Я был не из робкого десятка и поэтому дал им настоящий бой. Одного смельчака я ударил дубинкой, а второго повалил на землю с криком "Убью!". Увидев это, остальные побоялась подойти ко мне. Вечером я рассказал обо всем дома. Дядя Тимоша пожаловался Мошу Тодори, который иногда заходил и интересовался мной. Тот вызвал родителей этих детей и строго предупредил, чтобы меня не трогали. Больше никто ко мне не приставал.

С каждым днем моя нагрузка увеличивалась. Все планировалось заранее, и отдыха почти не было. Осенью я уже как заправский селянин собирал картошку, кукурузу, виноград, а также цепом молотил пшеницу. Хозяйство было большое — корова, бык, овцы, свиньи, куры и лошадь. За всей этой живностью в основном приходилось смотреть мне. Я вжил-ся в роль батрака и делал все необходимое.

В этих воспоминаниях хочется подробнее написать, как я жил в Гандрабурах, о людях, которые меня окружали. Они меня подкармливали и жалели. Несмотря на бесправное положение, меня никто не обижал, и со многими у меня сложились хорошие отношения. Хочу вспомнить добрым словом всех близких родственников дяди Тимоши — отца Якова, мачеху Гашику, сестру Маруно, брата Алексея и его жену Гратину; родственников тети Кати — ее мать Ефросинию, братьев Степана и Григория. У нас были хорошие соседи — Доброваны, Возианы и многие другие, чьи имена я уже позабыл. Прошло почти 60 лет с момента нашего знакомства, многих уже нет в живых, но память об их благородстве я всегда чтю.

Когда я вспоминаю жизнь в селе Гандрабуры, то припоминаются те обязанности, которые были на меня возложены, усталость, которая к вечеру валила с ног. А ведь мне было 12,5 лет. Спал я на широкой скамейке, которая стояла у печки. Осенью 1942 г. пришлось учить ходить в упряжке бычков. Мы их запрягали при помощи ярма в подводу на железном ходу, и я учил их командам, с помощью которых управляют этими животными — "цоб-цэбэ". Однажды при очередном учении из одного двора выбежала собака и испугала бычков. Те побежали, и я не смог удержать повода. Подвода сбила меня и проехала по ногам. К счастью, она была пустой, а на дороге было очень много пыли, которая смягчила наезд колес на ноги. Мне повезло и в том, что дядя Тимоша соорудил подводу на тракторных колесах, которые создавали небольшое удельное давление. Так что и в этом случае судьба была ко мне благосклонной: ведь можно было остаться инвалидом.

Закончилось лето 1942 г. Мы собрали урожай, заготовили корм для животных, наделали для отопления лампачи, т. е. кирпичи из коровьего навоза и соломы. Было сделано несколько бочек вина, обработана и спрятана на зиму кукуруза. Мои ноги были покрыты слоем грязи, и я не сразу заметил, что кожа на них сильно потрескалась. Баба Гашика посоветовала мазать ноги сметаной, что я и делал. Начались осенние заморозки, а у меня была только летняя одежда. Меня кое-как одели во все старое, новыми были только постолы. Постолы — обувь, которая пришла к нам из XV столетия. Они изготавливаются из свиной, коровьей, лошадиной кожи. Хорошие постолы делают из дубленой кожи, а если их делают из сырой, то при сильном морозе они сокращаются и могут сползти с ног.

Зима с 1942 на 1943 г. была для меня новым испытанием на выносливость. Работы было очень много. К примеру, до завтрака нужно было убирать навоз у животных, затем их напоить, раздать корм. Так проходил почти весь день. Вечером я занимался сортировкой табака или разбираю овечью шерсть, готовя ее для пряжи. Жизнь в Гандрабурах проходила как будто в мирное время, мы не знали, что происходит на фронте, дома об этом не говорилось. Немцы освободили всех пленных молдаван, поэтому почти в каждом доме были мужчины призывного возраста.

...Я часто думал о людях из гетто, которые были в последнем этапе с нами. Я считал, что мама должна спастись, так как была очень смекалистой. Думал также об Анне и Тасе, а Анин адрес держал в памяти много лет. Часто вспоминал одесских знакомых — Агнессу Семеновну, Дусю Андриусевич, семью Себовых, Веру Громикову и ее дочь Галу. Я часто думал об Изе. Связи с ним не было. Иногда сельские "мудрецы" интересовались моим прошлым, но легенда, которую мы придумали, срабатывала.

1943 год с точки зрения физических нагрузок был для меня самым тяжелым. Весной принимал участие в посевной: сажал картофель, лук, табак и помидоры. Пас животных, которых в нашем хозяйстве было достаточно. Позже судьба преподнесла новые испытания: пришлось участвовать в отработке программы для бывших военнопленных. Дело в том, что военнопленных, выпущенных на свободу, задействовали на различных работах. И вот я попал в наряды по отработке, где выделялся своим возрастом. Мне в то время было 13 лет, а остальным отработчикам было по 30 лет и больше. Где я только не был! Чистил конюшни в жандармерии, выполнял дорожные работы в Байталах (рыл кюветы), возил кирпичи и песок в Ананьев. Нужно отдать должное людям, с которыми пришлось работать. Они понимали, что я — сирота, и только неродные "родители" могут посылать на такую отработку. Приходилось немало хитрить и обращаться к румынам по вопросу этой отработки. Мне всегда везло. Судьба была ко мне благосклонна. Нехватку еды, которую давали с собой, мне всегда компенсировали люди, с которыми я работал. Сейчас, когда прошло почти 60 лет, почти никого из них, наверное, не осталось в живых, но я с чувством большой благодарности всегда вспоминаю этих простых людей.

Нужно отметить, что дядя Тимоша был, на мой взгляд, гениальным человеком. От своих сверстников он очень отличался сообразительностью, способностью быстро и правильно принимать решения в экстремальных ситуациях. За что он ни брался, все он умел, все у него получалось. Сделал подводу на металлическом ходу, самостоятельно изготовил ткацкий станок, один из немногих научился плести корзины. Изготовление корзин из лозы во время оккупации приносило хороший доход, так как одна корзина стоила на рынке 5 марок. По моей просьбе дядя Тимоша научил плести корзины и меня. Я быстро освоил технологию плетения кор-

зин и был ему неплохим помощником. Мое умение пригодились для того, чтобы помочь одной бедной семье. Я дружил с моим ровесником Ваней и заходил к нему домой. Его мать Анастасия умела плести корзины, но не освоила верхушку. Я начал учить женщину завершающей стадии плетения корзин. Примерно через неделю она освоила эту премудрость и стала конкурентом дяди Тимоши на базаре. Тетя Анастасия была мне очень благодарна, а вот от дяди Тимоши я получил выговор за то, что обучил конкурента. Я оправдывался тем, что она — бедная женщина, живет с тремя детьми без мужа. Ее сын Ваня рассказал, когда мы виделись с ним в 1992 году, что она часто вспоминала меня до самой смерти.

До нашего освобождения оставалось меньше года, но мы были оторваны от мира, не знали, что делается на фронте, и многие жили "нормальной" жизнью. В 1943 в Гандрабурах было множество свадеб, крестин, гуляний. Только у родственников Унтиловых состоялись две свадьбы: вышла замуж сестра дяди Тимоши Маруния, и женился брат тети Кати Степан. Я, естественно, был на этих свадьбах и на одной даже сфотографирован. Эту фотографию храню до сих пор.



Август 1943 г. Село Гандрабуры. Фима Нильва — крайний слева

В сентябре 1943 к нам в дом попросились несколько человек, сбежавших с поезда, который вез их в Германию. Они рассказали о положении на фронте, что немцы бегут, и недалек час, когда их изгонят с оккупированной территории.



Наступил 1944 год. На дорогах появились отступающие немецкие части, а также предатели на подводах, в которые были запряжены хорошие лошади. Вся эта кавалькада в основном двигалась по центральной дороге Гандрабур.

В конце февраля немцы отступали днем и ночью. Взрослые мужчины, боясь угона в Германию, прятались, кто где мог. На хозяйстве оставались женщины и дети. Немцы ходили по домам, просили еду, а порой забирали сами. К нам зашли два человека в немецкой форме и на ломаном русском языке попросили поесть. Тетя Катя им дала, а когда они уходили, я нечаянно обронил что-то в их адрес. Тогда один из них на чистом русском языке сказал, что за такие слова нужно ставить к стенке. Я опешил, хотя виду не подал...

Примерно 15 марта мы увидели наших бойцов. Они шли по направлению к Долинскому и вели арестованного начальника полиции Гандрабур Маху, а те сельчане, над кем он издевался, подходили и били его прямо на дороге. Предателя расстреляли за селом.

К концу марта всех мужчин призывного возраста из Гандрабур призвали в Красную Армию. Остались одни женщины и подростки. На полях было много немецкой техники, брошенной во время отступления. Мы, дети, сливали масло с этих машин, чтобы сдать его на мельницу и смолоть муку. Когда я пришел на мельницу, встретил там повзрослевшего Изю. Мы очень обрадовались встрече. Он намеревался остаться в Гандрабурах, так как хорошо выучил язык, а я сказал, что поеду в Одессу, когда ее освободят.

Начались весенние работы. Трудиться приходилось много, но я не унывал. 10 апреля работал в поле, и вдруг проходящие солдаты сказали, что Одессу освободили. Радости не было предела. Я написал два письма: одно — Ане, а второе — тете Вере Громиковой в Одессу. Вскоре получил ответ, из которого узнал, что мать не появилась после освобождения города. Передо мной встала дилемма: уезжать в Одессу или остаться в селе? Посоветоваться было не с кем. Нужно было решиться на отъезд, а я почему-то колебался. И все же в мае — решился! Добрался до Одессы со станции Жеребково, в товарном вагоне.

С волнением думал о предстоящих встречах с людьми, которых не видел более двух лет. Когда подъезжал к Одесскому вокзалу, сердце билось очень сильно. И вот я на Еврейской, 50, где проживали Вера Громикова и Маруся Бойченко. Описать встречу очень тяжело. Сегодня, спустя 60 лет, я помню слезы радости наших близких соседей. Мы проговорили допоздна.

Начал навещать знакомых, которые помогали нам с мамой в трудные времена оккупации. Было много трогательных встреч. Многие меня не узнавали, ибо за эти два года я подрос.

Буквально на следующий день после приезда я отправился на Троицкую, 32, в дом, где мы жили до ареста. Соседи очень обрадовались моему появлению. Я рассказал им, что случилось с мамой, и как я жил эти два го-

да. Нашу квартиру занял какой-то энкавэдешник. Я не смог ничего из нее взять, так как он все купил по бросовой цене. Дело в том, что в этой квартире жил управдом Новоковский, который нас выдал. Он думал, что ему это сойдет с рук, но не тут-то было. Уже в мае Новоковский был арестован, ибо он не только нас выдал, на его совести было много иных грехов. По настоянию Агнессы Семеновны я написал заявление в НКВД и был там на приеме. Посещение "органов" меня сильно обидело, ибо следователя больше интересовало, почему меня не убили. Новоковскому дали 25 лет, но на суде я не был.

Судьба была ко мне благосклонной. Однажды, когда я был у тети Веры, к ней пришла подруга с сыном Вовой. Мы разговорились, и он посоветовал поступить в ремесленное училище № 1 морфлота на 4-ой станции Большого Фонтана. Туда принимали без экзаменов, только по документам. Я решил туда поступать. В Гандрабурском сельсовете мне отдали спасительное удостоверение, которое было со мной все эти годы. В начале июня 1944 года я возвратился в Одессу. В 71-ой школе взял справку о том, что учился там до войны, в ЗАГСе мне дали копию метрики. Прошел медкомиссию. И вскоре был зачислен в училище. Впереди было много трудностей, впереди была целая жизнь, но это уже другой рассказ.

\* \* \*

После окончания училища я работал слесарем на судоремонтном заводе, отслужил пять лет на Тихоокеанском флоте. После демобилизации окончил вечернюю школу, а затем — Водный институт. После его окончания работал в научно-исследовательском отделе института. В 1958 г. женился на Бэлле Каминской, замечательном человеке, с которой мы душа в душу живем до сих пор. В 1961 г. родился сын Саша, а в 1989 г. наша невестка Нина родила внука Вову.

Изя Рыбаков окончил школу в Гандрабурах, затем кишиневский педин. Работал учителем, стал кандидатом педагогических наук. У него два сына и два внука. Наша дружба, которая родилась в стенах одесского гетто, продолжается до сих пор. Все эти годы я также поддерживаю связь с селом Гандрабуры и с семьей Унтиловых.

Со времени описываемых мной событий прошло 60 лет. Но я всегда с чувством глубокой душевной благодарности вспоминаю людей, которые, рискуя жизнью, помогли нам с мамой, другим евреям, делились последним куском хлеба. Всегда буду помнить и крестьян из Гандрабур и других сел, которые жалели и подкармливали меня в тяжелые дни оккупации.